

ПОЛИТОЛОГИЯ

2015. № 1

Редакционная коллегия

Н.М. Беляева (отв. секретарь), Н.В. Борисова, П.В. Панов,
К.А. Сулимов, Л.А. Фадеева (гл. редактор)

Редакционный совет

Акаха Тсуноэ, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований,
Институт международных исследований (Монреаль, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный инсти-
тут международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по об-
щественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный универ-
ситет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университе-
та Хоккайдо (Япония).

Подвицнев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО
РАН.

Рахшир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный нацио-
нальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государ-
ственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера П.В. Панов

© Редакционная коллегия, 2015

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культур-
ного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС77-27900
от 20 апреля 2007 г.

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in all subfields of political science: Russian politics, comparative politics, political theory, political sociology, world politics and international relations, public policy and decision-making.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by Political Science Department of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the website of the journal as well as on the website of electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov Fadeeva, Professor, Head of Political Science Department, Perm State University
Executive Secretary – Natalya Belyaeva, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda Borisova, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University
 Petr Panov, Professor of Political Science Department, Perm State University
 Konstantin Sulimov, Associate Professor of Political Science Department, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA)
 Busygina Irina (MGIMO University, Russia)
 Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)
 Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Russia)
 Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)
 Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)
 Podvintsev Oleg (Perm Center of Russian Academy of Science, Russia)
 Rakhshmir Pavel (Perm State University, Russia)
 Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)
 Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)
 Smorgunov Leonid (Sankt-Petersburg University, Russia)
 Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Политические системы и режимы на постсоветском пространстве Шкель С.Н. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа	5
Сергеева Л.В. Особенности и ограничения институционализации партийной системы непризнанных (частично признанных) государств постсоветского пространства на примере Абхазии	24
Эсенбаев А.Э. Политическая система Кыргызстана и особенности ее влияния на институт выборов (1995–2005 гг.)	40
Электоральный авторитаризм	
Карандашова С.А. Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкубентов на губернаторских выборах	51
Турченко М.С. Заградительные барьеры на выборах в парламентах российских регионов: объяснение вариаций	68
Гришина А.М. Доминирующая партия Малайзии в период трансформации режима	84
Этнополитические конфликты	
Вавилина Е.А. Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов	93
Литвинова Т.Н. Особенности институционализации этнонационального движения на Северном Кавказе (на примере лезгин)	110
Гуджагуллаев Р.А. Факторы сепаратистских этнополитических конфликтов на примерах Курдистана, Страны Басков и Нагорного Карабаха	123
Политические партии и движения	
Шейн С.А. Проблема шотландской деволуции в политической стратегии Консервативной партии 2005–2014 гг.	129
Станишук Н.Ю. Проблемы ранжирования и дефиниции монархических организаций в структуре системы монархических движений	150
Соколов А.В., Грушина Е.П. Условия развития политической активности в сети Интернет	157
Медведева Е.Ю. Освещение протестного движения в России в средствах массовой информации (2011–2012 гг.)	168
К сведению авторов	178

CONTENT

Political Systems and Political Regimes in Post-Soviet Space	
<i>Shkel S.N.</i> Regime Changes of Post-Soviet States of Central Asia and Caucasus	5
<i>Sergeeva L.V.</i> Features of Political Party Institutionalization in Unrecognized Post - Soviet States on the Example of Abkhazia	24
<i>Esenbaev A.E.</i> Political System of Kyrgyzstan and Peculiarities of its Influence on the Institution of Elections (1995-2005)	40
Electoral Authoritarianism	
<i>Karandashova S.A.</i> Russian Features of Electoral Authoritarianism: New Practices to Ensure the Incumbents Victory at the Gubernatorial Elections	51
<i>Turchenko M.S.</i> Electoral Thresholds at the Regional Parliamentary Elections in Russia: Explaining the Variations	68
<i>Griushina A.M.</i> The Dominant Party of Malaysia in the Period of Transformation of the Regime	84
Ethno-Political Conflicts	
<i>Vavilina E.A.</i> Power-sharing as an Instrument of Ethno-Political Conflicts Settlement	93
<i>Litvinova T.N.</i> Special Features of Ethno-National Movement Institutionalization in the Northern Caucasus on the example of Lezgians	110
<i>Gudzhatullayev R.A.</i> Factors of Separatist Ethno-Political Conflicts on the Examples of Kurdistan, Basque Country, and Nagorno-Karabach	123
Political parties and movements	
<i>Shein S.A.</i> The Scottish Devolution Issue in Conservative Party Political Strategy 2005-2014	129
<i>Stanischuk N.U.</i> The problems of ranking and identifying monarchist organizations in internal structure of the system of monarchist movements	150
<i>Sokolov A.V., Grushina Y.P.</i> Circumstances of the Political Activity on the Internet	157
<i>Medvedeva E.Y.</i> Media coverage of protest movement in Russia (2011-2012)	168
Information for the authors	179

Политические системы и режимы на постсоветском пространстве

УДК-323.2

РЕЖИМНАЯ ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

С.Н. Шкель¹

В статье предложена типология политических режимов, позволяющая зафиксировать все точки режимных переходов постсоветских стран, и проведено измерение режимной динамики восьми постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа. Анализ постсоветских политических трансформаций позволил выявить наличие устойчивости двух основных режимных форм (неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии), которые являются для анализируемых случаев модальными. Эти политические режимы свойственны разным группам стран, но при своей консолидации они одинаково демонстрируют устойчивость и долговременность.

Ключевые слова: политические режимы; авторитаризм; полиархия; постсоветское пространство; Центральная Азия и Кавказ.

Категория «политический режим» в политической теории имеет самые разнообразные определения, однако для анализа специфики постсоветских режимных форм наиболее перспективным представляется синтез электро-рального и неопатримониального подходов с акцентом на учет не только формальных, но также неформальных режимных институций. Одной из первых попыток разработки классификации, учитывающей роль неформальных практик, является типология Г.О'Доннелла, который указывает, что если для «старых» демократий характерно господство формальных институтов, то в «новых» поставторитарных режимах преобладают неформальные институты, основанные на клиентелистских отношениях и патримониальном господстве» [9].

Тезис о важности учета неформальных институтов при выработке критериев оценки постсоветских политических режимов получил широкое признание как за рубежом, так и среди российских ученых [11; 12]. В последнее время неопатримониальный подход стал вполне успешно применяться ис-

¹ Шкель Станислав Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: sls@polit.ru/index.ru

© Шкель С.Н., 2015

УДК-324:353(450+571)

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ НА ВЫБОРАХ В ПАРЛАМЕНТЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ОБЪЯСНЕНИЕ ВАРИАЦИЙ

М.С. Турченко¹

После избирательной реформы 2002-2003 гг. большинству субъектов федерации предстояло «с чистого листа» принять новые правила избрания своих законодательных органов. Основные различия в институциональном выборе регионов продемонстрировали относительность такого параметра, как величина заградительного барьера. В статье анализируется, отчего зависели эти вариации в период 2003-2013 гг. Установлено, что причинами разнообразия региональных заградительных барьеров были три рода факторов: структурные характеристики политических и социальных систем субъектов, влияние Центра и региональный политический режим.

Ключевые слова: региональные выборы; Россия; избирательные законодательство; заградительные барьеры; эффективные заградительные барьеры.

В ходе избирательной реформы 2002-2003 гг. все российские регионы были поставлены перед необходимостью избирать не менее половины депутатов своих законодательных органов по пропорциональной системе в едином округе. Введение Центром новых «правил игры», вызванное желанием внедрить на региональные электоральные арены «партию власти» [12, 16], привело к беспрецедентной перестройке избирательных систем субъектов [11, 6; 17, 398], которая проходила в условиях высокой неопределённости: региональные акторы в большинстве своём не обладали опытом проведения выборов по пропорциональной формуле [6].

Столкнувшись с внешним стимулом к изменению правил проведения выборов, игнорировать который было невозможно, региональные власти оказались перед вопросом: какие параметры избирательных систем адаптировать в заданных рамках? Понимание того, какими соображениями они руководствовались, предпочитая одну альтернативу, связанную с электоральным дизайном, другой и одно значение определённого параметра избирательной системы другому, способно дать объёмную картину динамики политического процесса в субъектах Федерации.

Основные различия в институциональном выборе регионы продемонстрировали относительно такого параметра, как величина заградительного барьера, то есть минимальной доли голосов избирателей, которую должен получить партийный список, чтобы участвовать в распределении депутатских мандатов. Например, на первых после старта избирательной реформы региональных парламентских выборах значения заградительных барьеров варьировались от нуля до 10%. В 32 регионах величина барьера равнялась 5%, а в 45 регионах – 7%. На вторых пореформенных выборах различия стали меньше, но тем не менее, продолжили существовать.

Почему в одних регионах заградительный барьер оказался выше, чем в других и наоборот? Каковы были причины (факторы) этих вариаций? Дать ответ на эти вопросы – цель настоящей статьи. Нижней хронологической границей исследования является декабрь 2003 г., когда состоялись первые выборы с соблюдением нормы об избрании не менее половины депутатов региональных ассамблей по пропорциональной системе. С тех пор все субъекты Федерации провели не менее двух избирательных кампаний подобного рода. Период с декабря 2003 г. по октябрь 2008 г., когда были избраны первые союзы региональных парламентов, в которых не менее половины мест досталось депутатам-списочникам, определён как первый цикл выборов по «новым правилам». Период с октября 2006 г. по сентябрь 2013 г. определён, соответственно, как второй цикл.

29 региону к настоящему времени успели провести третьи по счёту выборы по «новым правилам» (а Свердловская область – пятые). Но эти случаи вынесены за рамки исследования (равно как и выборы 14 сентября 2014 г. в Республике Крым и Севастополе), ввиду резкого изменения электоральной и партийной политики Центра после федеральных выборов 2011-2012 гг. Так, например, 13 из 14 регионов (включая Республику Крым и Севастополь), избравших новые составы своих Законодательных собраний 14 сентября 2014 г., установили заградительные барьеры на уровне 5%. А в Москве выборы, впервые с декабря 2001 г., прошли по ппсоральной системе, что стало возможным после изменения федерального избирательного законодательства в конце 2013 г.

Далее в статье будут рассмотрены родственные ей работы, представленные методологические основания проводимого исследования, обоснованы и протестированы гипотезы и сформулированы основные выводы.

История вопроса

В научной литературе было предложено несколько подходов к объяснению причин кроссрегиональных вариаций заградительных барьеров. Одним из первых такую попытку предпринял П.В. Панов [12]. Исследователь выдвинул две гипотезы. Согласно первой, величина заградительных барьеров

¹ Турченко Михаил Сергеевич – преподаватель департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: mturshchenko@hse.ru.
© Турченко М.С., 2015

С использованием статистического анализа, а именно, множественной линейной регрессии, подошла к анализу факторов, повлиявших на региональные вариации размеров заградительных барьеров, Е.А. Алытова [1]. По её мнению, основными агентами изменений этого параметра избирательных систем субъектов были губернаторы и депутаты региональных парламентов. В меньшей степени учитывался такой актор, как центральная власть. Сторонниками повышения заградительных барьеров, по мнению автора, являлись крупные региональные партии – «Единая Россия» и КПРФ, – а также губернаторы, в случае, если они возглавляли список «партии власти» на региональных выборах или входили в её Высший совет. Е.А. Алытова также сформулировала вывод, что к низкому заградительному барьеру стремились сильные губернаторы [1, 193]. Правда, это заключение было сделано на интерпретации статистически незначимого регрессионного коэффициента. Своё исследование Е.А. Алытова построила на анализе 42 случаев региональных выборов.

Таким образом, выводы рассмотренных выше работ строились на не-большом количестве случаев, касались лишь первых нескольких лет проведения регионами выборов с использованием пропорциональной составляющей, а набор проверяющихся гипотез был ограничен.

Теоретическая рамка, метод и гипотезы

Теоретической рамкой проводимого исследования выбран новый институционализм, а именно, институционализм рационального выбора. С точки зрения данного подхода, политики рациональны и всегда стремятся к максимизации собственной выгоды. Но круг альтернатив, которыми они располагают на пути достижения своих целей, ограничен правилами, накладываемыми набором институтов [24, 48]. Данный подход можно считать в достаточной степени разработанным при анализе политических процессов в российских регионах [9; 12; 1].

Настоящее исследование – как и большинство работ, объект которых избирательные системы, – является ориентированным на переменные [27, 27]. Для анализа эмпирических данных избран количественный (статистический) метод, в частности, множественная линейная регрессия, построенная на основе метода наименьших квадратов (OLS) с расчётом робастных стандартных ошибок Уайта [28]. При использовании в регрессионной модели робастных стандартных ошибок выводы, получаемые в ходе её реализации, остаются обоснованными даже в ситуации гетероскедастичности, то есть при ненормальности распределения регрессионных остатков [28, 828].

зависела от доли представителей крупных партий («Единой России» и КПРФ) в дореформенных составах региональных ассамблей: чем выше была эта доля, тем выше должен быть и заградительный барьер. Согласно второй гипотезе, величина барьеров должна быть выше в тех регионах, где губернаторы имели тесную связь с какой-либо политической партией, оказывая ей, вследствие этого, административную поддержку [12, 17]. Эмпирической проверке, однако, была подвергнута только первая гипотеза. Кроме того, стремление максимально сократить влияние внешних факторов на результаты анализа привело П.В. Панова к существенному ограничению выборки. Автором были исключены из рассмотрения регионы, имевшие «национальный» статус, то есть все республики, автономные округа и Еврейская автономная область, а также ряд краёв и областей. Таким образом, в основе проверки первой гипотезы лежало всего 14 случаев [12, 18-20]. Проведя корреляционный анализ, автор пришёл к выводам, которые он интерпретировал в пользу своего предположения.

Другую попытку объяснить причины кроссрегиональных значений заградительных барьеров предпринял Л.В. Сморгунов [14]. При этом в фокусе его внимания был не легальный – устанавливаемый региональным законодательством, а эффективный заградительный барьер – искусственно сконструированный показатель, строящийся на информации о величине округа и отражающий тот процент голосов избирателей, который партия должна фактически получить, чтобы рассчитывать на прохождение в парламент. В качестве объяснительных факторов вариаций рассматриваемого параметра Л.В. Сморгуновым были предложены доля голосов в регионах за «Единую Россию» на национальных парламентских выборах в декабре 2003 г. и эффективное число электоральных партий в каждом регионе. Первый фактор служил отражением силы «партии власти», а второй – степени «плюралистичности» регионального политического режима. Используя метод парной линейной регрессии, автор пришёл к выводу, что чем сильнее в регионах была «Единая Россия», тем более высоким был эффективный заградительный барьер, и, наоборот, он был тем ниже, чем выше был показатель эффективного числа электоральных партий [14, 13-15].

Однако к исследовательскому дизайну Л.В. Сморгунова можно сделать два замечания. Во-первых, как показала проверка данных, на которые опирался автор [14, 22-23], сила «Единой России» и эффективное число электоральных партий отражают одно и то же явление. Факт того, что чем больше процент голосов получает «Единая Россия», тем меньше становится показатель эффективного числа парламентских партий, был подтверждён путём расчёта коэффициента корреляции Пирсона между этими переменными, показатель которого принял значение -0.94 . Во-вторых, выводы автора были получены на основе весьма ограниченной выборки – 27 случаев региональных выборов.

Под величиной заградительного барьера в проводимом исследовании понимается величина эффективного заградительного барьера¹. Его использование в качестве зависимой переменной позволило оставить в статистическом анализе случаи автономных округов, несмотря на то, что некоторые из них легальных заградительных барьеров не имели. Например, на выборах депутатов Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, состоявшихся 14 марта 2004 г., легальный заградительный барьер отсутствовал, но эффективный был 7,8%. Для тех регионов, где величина легального заградительного барьера была выше величины эффективного, использовался первый показатель (в первом цикле региональных выборов по «новым правилам») эффективный заградительный барьер оказался выше легального в десяти субъектах, во втором – только в двух).

В работе тестируются предположения, ранее выдвинутые Л.В. Сморгуным [14], что величина заградительного барьера зависела от силы «Единой России», и П.В. Пановым [12] и Е.А. Альтовой [1], что на этот параметр оказывал влияние факт связи глав регионов с «партийной властью». Помимо этого, предполагается, что величина заградительных барьеров субъектов зависела от следующих факторов: времени проведения выборов по «новым правилам»; степени демократичности регионального политического режима; этнической гетерогенности субъектов и величины пропорционального округа.

В пользу гипотезы о наличии положительной связи между силой «Единой России» и высокими заградительными барьерами говорит тот факт, что эта мера ограничивала возможность прохождения малых партий в региональные парламенты, что полностью соответствовало интересам крупных игроков, коим «Единая Россия», безусловно, являлась. Независимой переменной, отражающей силу «Единой России», можно считать: для первого цикла региональных выборов – процент голосов, полученных партией в отдельных регионах на думских выборах 7 декабря 2003 г., а для второго цикла – 2 декабря 2007 г.

Необходимо отметить, что, например, Е.А. Альтова [1] и П.В. Панов [12] полагают, что кроссрегиональные вариации в значениях заградительных барьеров (в фокусе их исследований находились легальные барьеры) зависели от доли крупных партий, представленных в парламентах субъектов, а именно, «Единой России» и КПРФ. Данные для проверки этой гипотезы были взяты ими из исследования А.Ю. Глубоцкого и А.В. Кынева [7], проанализировавших партийную составляющую Законодательных собраний российских субъектов. Однако эти данные относятся к весне 2003 г. С тех пор фрак-

ционная составляющая региональных парламентов значительно изменилась, став функцией как раз от силы «Единой России» в том или ином субъекте.

Главы регионов, как уже отмечалось, также могли быть заинтересованы в установлении высоких заградительных барьеров в случае их тесной связи с «Единой Россией». Этот факт может быть обоснован тем, что публично выступив в поддержку «Единой России», они делали выбор в пользу этой партии как центрального механизма, посредством которого достигался контроль над законодательным процессом. Будучи заинтересованными в большей степени этого контроля, губернаторы должны были стремиться к созданию более выгодных условий для «Единой России» и менее выгодных – для её конкурентов.

Существует несколько приёмов операционализации переменной, отражающей связь глав субъектов с «Единой Россией». Одним из способов фиксации такой связи может быть установление факта наличия губернатора во главе списка «партии власти» на региональных выборах (или на федеральных, если они совпадали с региональными). Однако непосредственное участие губернаторов в избирательной кампании «Единой России» может быть подходящим предиктором их связи лишь до отмены избирательных блоков, когда эти отношения строились на относительно добровольной основе. С марта же 2006 г. под влиянием федерального Центра наличие губернатора во главе списка «партии власти» было уже не столько делом выбора, сколько негласной обязанностью [17, 406; 25, 111]. По этой причине независимую переменную, отражающую факт наличия губернатора во главе списка «Единой России», решено было сконструировать в два этапа. На первом определялся факт наличия губернатора во главе списка «партии власти»: наличие коды – валось единичной, отсутствие – нулём. На втором этапе определялось время, когда губернатор возглавлял список «Единой России»: если до марта 2006 г., то к единице прибавлялась ещё одна единица, если в марте 2006 г. или позже – ничего не изменялось. Похожий способ операционализации этой переменной был предложен Г.В. Голосовым [17, 406].

Е.А. Альтова [1] в своём исследовании операционализировала переменную, касающуюся связи губернаторов с «Единой Россией», посредством дихотомической переменной, отражавшей факт того, состоял ли глава субъекта в Высшем совете «Единой России» или нет. Подобный способ операционализации кажется довольно эффективным, так как членство губернаторов в Высшем совете «Единой России» никогда не было «автоматическим»: необходимо было иметь определённые заслуги перед партией [26, 306]. Однако ввиду сложности с определением того, как был состав Высшего совета в конкретный момент времени, переменная, предложенная Е.А. Альтовой, в данном исследовании использована не будет.

21 июля 2005 г. тем же федеральным законом, который ввёл запрет на избирательные блоки, была установлена максимально возможная величина

¹ Значение эффективного заградительного барьера для пропорциональных составляющих региональных избирательных систем было вычислено по формуле А. Лейбхарта [21, 25-30]: $T_{ef} = 50\% / (M+1) + 50\% / 2M$, где M – величина округа, то есть число избираемых в округе депутатов. Далее в работе, если не будет специально оговорено, понятия «заградительный барьер» и «эффективный заградительный барьер» будут использоваться как синонимами.

главам таких регионов, как правило, удавалось успешно выстраивать политические машины, обеспечивавшие поддержание status quo на электоральном уровне [18, 170-171; 25, 113]. Высокие заградительные барьеры, таким образом, служили дополнительной преградой перед угрозой возможной разбалансировки сложившегося равновесия сил. Степень этнической гетерогенности субъектов, отталкиваясь от подхода, предложенного П. Орлешуким и О. Швецовым [23], решено было операционализировать посредством «эффективного числа этнических групп», подчитывающегося по той же формуле, что и индекс «эффективного числа партий» М. Лааксо и Р. Таагенеря [20].

Наконец, пятая гипотеза относительно изменения эффективных заградительных барьеров имеет под собой не социетальную или политическую, а «техническую» природу. Согласно ей, величина эффективных заградительных барьеров была выше в регионах с небольшой величиной пропорционального округа [21]. Использование такой переменной не преследует цели раскрытия особенностей каких-либо эндогенных систем. Её введение в региональным политическим или социальным системам. Её введение в анализ служит единственной цели – «контроля» автономных округов, которые имели высокие эффективные заградительные барьеры как раз вследствие не больших размеров пропорциональных округов, в которых проходило распределение депутатских мандатов между списками политических партий. Независимая переменная, отражающая эту гипотезу, операционализирована в величине пропорционального округа.

В качестве контрольных были выбраны переменные «доля сельского населения», «численность избирателей» и «статус субъекта федерации». Введение в анализ этих переменных было вызвано желанием изолировать влияние потенциально важных факторов среды, которые также могли привести к региональным вариациям значений эффективных заградительных барьеров. Каких-то определённых гипотез в отношении этих переменных сформулировано не было.

Описание выборки и источники данных

Выборы в нижнюю или единственную палату региональных парламентов в ходе первого цикла растянулись с 7 декабря 2003 г. по 12 октября 2008 г. и прошли в 87 регионах. Коми-Пермяцкий и Эвенкийский автономные округа не успели провести выборы по «новым правилам» до того как перестали существовать, объединившись с Пермской областью и Красноярским краем соответственно. Необходимо отметить, что в связи с процессами укрупнения, выборы по «новым правилам» также не успели провести Кам-

¹ $1/\sum e_i^2$, где e_i – процентная доля i -элемента.

² Во всех российских регионах избрание депутатов по пропорциональной избирательной системе проводилось в единых многомандатных округах, вне зависимости от их размеров.

заградительного барьера на выборах депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации – 7% голосов избирателей. Эта норма вступила в силу с 1 января 2006 г. На деле, устанавливая максимальную планку регионального заградительного барьера на уровне 7%, федеральный Центр заботился не столько о создании справедливых «правил игры», сколько давал сигнал тем регионам, в законодательстве которых ещё была установлена норма об относительно невысоком заградительном барьере, к тому, что эту планку следует поднять до максимального уровня. И, действительно, начиная с осени 2006 г. наличие 7%-ных барьеров становится скорее правилом, а барьеров ниже 7% – исключением [11, 41; 17, 403; 22, 420]. Таким образом, на величину региональных заградительных барьеров активно влиял Центр, что становилось тем заметнее, чем дальше в стране укреплялся режим электорального авторитаризма [16]. Следовательно, независимая переменная здесь – год проведения выборов, закодированный по последней цифре (то есть, 3, 4, ..., 12, 13).

Мысль, что уровень заградительных барьеров мог быть связан со степенью демократичности региональных политических режимов, была высказана, например А.В. Кыневым [10, 116-117]. Обосновать данное предположение не сложно. Высокие заградительные барьеры оказывают сдерживающее воздействие на развитие партийной системы и ведут к высокой диспропорциональности электоральных исходов, благоприятствуя крупнейшим партиям. В результате их введения насколько облегчается функционирование доминирующих партий, настолько же оно осложняется для оппозиции. Таким образом, повышение заградительных барьеров – рациональная стратегия поведения правящей элиты в режимах электорального авторитаризма, стремящейся если не к искоренению политической оппозиции, то к ограничению её возможностей. Степень демократичности региональных политических режимов была операционализирована на основе данных экспертного рейтинга демократичности российских регионов, подготовленного Н.В. Петровым и А.С. Титковым [13].

Согласно четвёртой гипотезе, вероятность установления высоких заградительных барьеров повышалась с ростом этнической гетерогенности того или иного региона. В российских условиях основными политическими акторами на региональном уровне являются руководители исполнительной власти. В этнически гетерогенных субъектах, вне зависимости от того, представителем какой этнической группы занимал губернаторский пост¹, он имел стимулы к стабилизации сложившейся конфигурации региональных элит, что вело бы к поддержанию властного баланса между этническими группами и сохранению власти за той их группой, которой эта власть принадлежала в данный момент. Используя клиентелистские сети, основывающиеся на этничности,

¹ В российских условиях этническая гетерогенность, как правило, присуща национальным республикам, а потому, посты высших должностных лиц там чаще занимают представители титульного этноса.

чатская область, Пермская область и Красноярский край (до слияния с Таймырским и Эвенкийским автономными округами). Их преемниками в работе считались Камчатский край, Пермский край и «новый» Красноярский край.

Выборы региональных парламентов во втором цикле прошли в 83 субъектах с 8 октября 2006 г. по 8 сентября 2013 г. В связи с процессами объединения в этот период прекратили существовать Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский, Корякский и Таймырский автономные округа. В качестве региональных выборов Читинской и Иркутской областей во втором цикле региональных выборов рассматривались, соответственно, Забайкальский край, образованный после объединения Читинской области с Агинским Бурятским автономным округом, и «новая» Иркутская область после её объединения с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом.

Принципиальная задача исследования состояла в том, чтобы проанализировать причины вариаций значений заградительных барьеров во всех субъектах, где с декабря 2003 г. по сентябрь 2013 г. состоялись выборы Законодательных собраний. Таким образом, настоящее исследование было построено на информации о 170 региональных выборах.

Данные о величине легальных заградительных барьеров и размере пропорциональных избирательных округов относительно региональных выборов, состоявшихся до 4 декабря 2011 г. включительно, были получены из базы данных «Российская электоральная статистика» Центра содействия демократии и правам человека «Геликс» [2]. Относительно выборов, прошедших в 2012-2013 гг., информация о величине барьеров и размерах округов была почерпнута из региональных избирательных законов, содержащихся в правовой базе данных «Гарант» [5].

Информация о наличии губернатора во главе списка «Единой России» на региональных парламентских выборах была взята из работы А. В. Кынева «Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы» [1], а о том, возглавлял ли он федеральный список «партии власти» к моменту тех же выборов – с сайта Центральной избирательной комиссии [3]. Для второго цикла эта информация собиралась из базы данных ЦИК РФ [3].

Данные о степени демократичности регионов были взяты из рейтинга Московского Центра Карнеги, подготовленного Н.В. Петровым и А.С. Титковым [13]. Для выборов первого цикла была взята оценка демократичности регионов за 2003-2007 гг., а для второго цикла – за 2006-2010 гг. [13, 25-28]. Показатель демократичности для парламентских выборов первого цикла в Чеченской Республике взят за 2004-2008 гг., ввиду отсутствия более ранних данных. Для Агинского Бурятского, Корякского, Таймырского и Усть-Ордынского Бурятского автономных округов информация о степени демократичности была взята за 2000-2004 гг. Источником данных здесь послужил индекс демократичности регионов, подготовленный теми же авторами по той

же методике в рамках проекта «Социальный атлас российских регионов» [15].

Информация о численности зарегистрированных избирателей в каждом из субъектов на 7 декабря 2003 г. была получена с официального интернет-сайта ЦИК РФ [8]. Из того же ресурса была получена информация о процентной доле голосов, отданных за «Единую Россию» на выборах депутатов Государственной думы 7 декабря 2003 г. и 2 декабря 2007 г.

Материалы сайта Всероссийской переписи населения 2002 г. [4] использовались для получения информации о национальном составе российских регионов и доле в них сельского населения.

Результаты статистического анализа

В таблице 1 представлена реализация модели множественной линейной регрессии, сконструированной для проверки выдвинутых гипотез о причинах кроссрегиональных вариаций заградительных барьеров. Тест на мультиколлинеарность показал, что подобной проблемы в модели нет.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что значения региональных заградительных барьеров в промежутках между 2003 и 2013 гг. варьировались в зависимости от ряда факторов, а именно: от времени проведения выборов по «новым правилам», степени демократичности регионального политического режима, этнической гетерогенности субъектов, величины пропорционального округа и численности избирателей. Гипотезы, касавшиеся силы «Единой России» и связи губернаторов с «партией власти», подтверждения не нашли.

В результате статистического анализа подтвердилась гипотеза о влиянии на размеры региональных заградительных барьеров центральной власти, которая чем дальше, тем больше стремилась сузить рамки возможностей для политической конкуренции на региональном уровне. Чем позже проводились региональные выборы, тем выше был заградительный барьер, что было обусловлено желанием Центра создать режим наибольшего благоприятствования для партии «Единая Россия», являющейся для него инструментом контроля над региональными элитами [19, 509].

Таблица 1
Факторы вариаций заградительных барьеров¹

Переменные	Нестандартизированные коэффициенты		
	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика
Y-пересечение	6.12	0.87	7.05
			R-значение
			0.00

¹ Стандартные ошибки для данной модели множественной линейной регрессии, построенной по методу наименьших квадратов (OLS), являются робастными. С учётом робастных стандартных ошибок рассчитаны значения t-статистики и уровни значимости переменных. Все значения округлены до сотых.

Окончание табл. 1

Переменные	Нестандартизированные коэффициенты		
	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика
Сила ЕР	0.32	0.65	0.49
Губернатор во главе списка ЕР	-0.07	0.17	-0.43
Год выборов	0.10	0.04	2.48
Степень демократичности	-0.03	0.02	-1.74
Этническая гетерогенность	0.62	0.20	3.05
Пропорциональный округ	-0.03	0.01	-2.50
Доля сельского населения	0.40	0.84	0.48
Численность избирателей	0.25	0.13	1.93
Статус субъекта	-0.44	0.31	-1.41

R-квадрат: 0.24, нормированный R-квадрат: 0.20
Чисто наблюдений: 170

Наша подтверждение (на 10%-ном уровне значимости) гипотеза о влиянии степени демократичности региона на величину заградительных барьеров. Чем менее демократичным был политический режим того или иного региона, тем большим там был заградительный барьер.

В ходе проведенного анализа было доказано, что значения заградительных барьеров были выше в этнически гетерогенных регионах. Отталкиваясь от выдвинутой гипотезы, можно говорить, что высокие значения заградительных барьеров в этнически гетерогенных субъектах были дополнительным механизмом поддержания элитного status quo на уровне электральной конкуренции.

Как и предполагалось, значения региональных заградительных барьеров зависели от фактора, связанного с размером пропорциональных округов. Отрицательное значение регрессионного коэффициента показывает, что в регионах с большими размерами пропорциональных округов были высокие заградительные барьеры. Этот вывод отсылает нас, прежде всего, к случаям автономных округов, обладавших небольшими законодательными органами вследствие малой численности населения и, следовательно, малыми пропорциональными округами. Из восьми автономных округов семь имели эффективные заградительные барьеры выше легальных.

Влияние последней из значимых переменных – контрольной переменной «численность избирателей» – на вариацию региональных заградительных барьеров можно интерпретировать как отголосок влияния федерального Центра. По-видимому, Москва в первоочередном порядке лоббировала высокие заградительные барьеры в многочисленных и, соответственно, наиболее важных с электральной точки зрения регионах.

* * *

Отвечая на вопрос об основных причинах кроссрегиональных вариаций заградительных барьеров в период 2003-2013 гг., можно сказать, что в основе этого разнообразия было три рода факторов. Во-первых, те, что отражали структурные характеристики региональных политических и социальных систем: речь идёт о степени этнической гетерогенности и величине пропорциональных округов.

Во-вторых, на размер региональных заградительных барьеров влиял федеральный Центр, предпочитавший более ограничительные избирательные системы менее ограничительным в целях более мягкого получения «Единой России» парламентского большинства в законодательных органах всех без исключения российских регионов.

В-третьих, на вариации заградительных барьеров влиял региональный политический режим: чем авторитарнее были регионы, тем выше были и заградительные барьеры.

Избирательная реформа 2002-2003 гг. была задумана Центром для «открытия» региональных политических режимов для своего влияния. На начальном этапе её реализации субъекты федерации ещё сохраняли возможность «настраивать» отдельные параметры избирательных систем, в частности, заградительные барьеры, под свои нужды. Со временем, однако, желание Центра регламентировать региональный политический процесс стало всеобъемлющим, так что роль региональной власти в определении правил политической конкуренции на субнациональном уровне была сведена до той, которую выполняют руководящие органы муниципалитетов в централизованных унитарных государствах.

Библиографический список

1. Альтова Е. А. Политические факторы формирования смешанных избирательных систем в регионах России // ПОЛИТЭКС. 2007. Т.3, № 2. С. 188-199.
2. База данных «Российская электральная статистика» [Электронный ресурс]. URL: <http://db.geliks.org/> (дата обращения: 05.01.14).

3. База данных Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 05.01.14).
4. Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 05.01.14).
5. «Гарант». Информационно-правовое обеспечение [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 14.03.14).
6. *Глубоцкий А. Ю., Кынев А. В.* Опыт смешанных выборов в российских регионах // *Политс.* 2003. № 2. С. 124-142.
7. *Глубоцкий А. Ю., Кынев А. В.* Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // *Политс.* 2003. № 6. С. 71-87.
8. К вопросу о численности избирателей, участников референдума в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/07/13/chislennost.html> (дата обращения: 05.01.14).
9. *Конonenko Л. Б.* Политические факторы конституционного строительства в республиках Российской Федерации // *Политс.* 2003. № 6. С. 135-143.
10. *Кынев А. В.* В ожидании нового электорального предложения: выборы региональных законодательных собраний конца 2004 – начала 2005 г. // *Политс.* 2005. № 3. С. 116-130.
11. *Кынев А. В.* Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Парнама, 2009.
12. *Панов П. В.* Изменение электоральных институтов в России (кроссрегиональный сравнительный анализ) // *Политс.* 2004. № 6. С. 16-28.
13. *Петров Н. В., Титков А. С.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. М.: Московский Центр Карнеги, 2013.
14. *Сморгунов Л. В.* Новые электоральные институты и региональные парламенты России: плюрализация vs. монополизация // *ПОЛИТЭКС.* 2006. Т.2, № 2. С. 6-24.
15. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы: индекс демократичности [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml (дата обращения: 15.05.14).
16. *Golosov G. V.* Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies.* 2011. № 4(63). P. 623-639.
17. *Golosov G. V.* Russia's Regional Legislative Elections, 2003-2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies.* 2011. № 3(63). P. 397-414.
18. *Hale H. E.* Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
19. *Konitzer A., Wegren S. K.* Federalism and Political Recentralization in the Russian Federation: United Russia as the Party of Power // *Publius: The Journal of Federalism.* 2006. № 4(36). P. 503-522.
20. *Laatko M., Taagera R.* "Effective" Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies.* 1979. № 1(12). P. 3-27.
21. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990. Oxford: Oxford University Press, 1994.
22. *Lyubarev A.* Electoral Legislation in Russian Regions // *Europe-Asia Studies.* 2011. № 3(63). P. 415-427.
23. *Ordeshook P. C., Shvetsova O. V.* Ethnic Heterogeneity, District Magnitude, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science.* 1994. № 1(38). P. 100-123.
24. *Peters G. B.* Institutional Theory in Political Science: The "New Institutionalism". 2nd ed. N.Y., London: Continuum, 2005.
25. *Reuter O. J.* Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs.* 2013. № 2(29). P. 101-135.
26. *Reuter O. J.* The Politics of Dominant Party Formation: United Russia and Russia's Governors // *Europe-Asia Studies.* 2010. № 2(62). P. 293-327.
27. *Shugart M. S.* Comparative Electoral Systems Research: The Maturation of a Field and New Challenges Ahead // *Gallagher M. and Mitchell P. (eds.), The Politics of Electoral Systems.* Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 25-56.
28. *White H. A.* Heteroskedasticity-Consistent Covariance Matrix Estimator and a Direct Test for Heteroskedasticity // *Econometrica.* 1980. № 4(48). P. 817-838.

ELECTORAL THRESHOLDS AT THE REGIONAL PARLIAMENTARY ELECTIONS IN RUSSIA: EXPLAINING THE VARIATIONS

M.S. Turchenko

Lecturer in Political Science at the National Research University Higher School of Economics, postgraduate student (Sankt-Petersburg)

After the 2002-2003 electoral reform the vast majority of Russian regions had to elaborate new regional electoral regulations from scratch. There was a stark contrast among them in such a dimension of the electoral systems as electoral threshold. The present essay analyses the causes of this cross-regional variations over the period from 2003 to 2013. It is shown that there were three main causes of these variations: structural characteristics of the regional political and societal systems, the influence of the Federal Center and the regional political regimes.

Key words: regional elections; Russia; regional legislation; electoral thresholds; effective thresholds

References:

1. *Al'tova E.* The Political Factors of Formation of Mixed Electoral Systems in Russian Regions // POLITEKS. 2007. vol.3, № 2. P. 188-199. (In Rus.).
2. The Russian Electoral Statistics Database [Electronic resource]. URL: <http://db.geliks.org/> (accessed 05.01.14). (In Rus.).
3. The Database of the Central Election Commission of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (accessed 05.01.14). (In Rus.).
4. The 2002 Russian National Census [Electronic resource]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (accessed 05.01.14). (In Rus.).
5. Garant. Informational and Legal Database [Electronic resource]. URL: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (accessed 14.03.14). (In Rus.).
6. *Glubotskij A., Kynev A.* The Experience of Mixed Elections in Russian Regions // Polis. 2003. № 2. P. 124-142. (In Rus.).
7. *Glubotskij A., Kynev A.* The Proportional Component of Russian Regional Legislatures // Polis. 2003. № 6. P. 71-87. (In Rus.).
8. Revisiting the Number of Voters and Referendum Participants in the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/07/13/chislennost.html> (accessed 05.01.14). (In Rus.).
9. *Kononenko P. B.* The Political Factors of Constitutional Building in Republics of the Russian Federation // Polis. 2003. № 6. P. 135-143. (In Rus.).
10. *Kynev A.* In Anticipation of the New Electoral Proposal: The Elections of Regional Legislatures during the Period of late 2004 – early 2005 // Polis. 2005. № 3. P. 116-130. (In Rus.).
11. *Kynev A.* Regional Parliamentary Elections 2003-2009: The First Cycle of Adoption of the Proportional Electoral System. M.: Panorama, 2009. (In Rus.).
12. *Panov P.* The Change of Electoral Institutions in Russia (Cross-regional Comparative Analysis) // Polis. 2004. № 6. P. 16-28. (In Rus.).
13. *Petrov N., Titkov A.* The Rating of Regional Democratic Development of the Moscow Carnegie Center: 10 Years in Service. M.: Moscow Carnegie Center, 2013. (In Rus.).
14. *Smorgunov L.* New Electoral Institutions and Russian Regional Legislatures: Pluralization vs. Monopolization // POLITEKS. 2006. vol.2, № 2. P. 6-24. (In Rus.).
15. The Social Atlas of Russian Regions. Interactive Indices: Democratization Index [Electronic resource]. URL: [\[Electronic resource\]](#).

- http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml (accessed 15.05.14). (In Rus.).
16. *Golosov G. V.* Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. № 4(63). P. 623-639. (In English).
17. *Golosov G. V.* Russia's Regional Legislative Elections, 2003-2007: Authoritarianism Incorporated // Europe-Asia Studies. 2011. № 3(63). P. 397-414. (In English).
18. *Hale H. E.* Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. (In English).
19. *Konitzer A., Wegren S. K.* Federalism and Political Recentralization in the Russian Federation: United Russia as the Party of Power // Publius: The Journal of Federalism. 2006. № 4(36). P. 503-522. (In English).
20. *Laakso M., Taagepera R.* "Effective" Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 1(12). P. 3-27. (In English).
21. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990. Oxford: Oxford University Press, 1994. (In English).
22. *Lynubarev A.* Electoral Legislation in Russian Regions // Europe-Asia Studies. 2011. № 3(63). P. 415-427. (In English).
23. *Ordeshook P. C., Shvetsova O. V.* Ethnic Heterogeneity, District Magnitude, and the Number of Parties // American Journal of Political Science. 1994. № 1(38). P. 100-123. (In English).
24. *Peters G. B.* Institutional Theory in Political Science: The "New Institutionalism". 2nd ed. New York, London: Continuum, 2005. (In English).
25. *Reuter O. J.* Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // Post-Soviet Affairs. 2013. № 2(29). P. 101-135. (In English).
26. *Reuter O. J.* The Politics of Dominant Party Formation: United Russia and Russia's Governors // Europe-Asia Studies. 2010. № 2(62). P. 293-327. (In English).
27. *Shugart M. S.* Comparative Electoral Systems Research: The Maturation of a Field and New Challenges Ahead // Gallagher M. and Mitchell P. (eds.), The Politics of Electoral Systems. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 25-56. (In English).
28. *White H. A.* Heteroskedasticity-Consistent Covariance Matrix Estimator and a Direct Test for Heteroskedasticity // Econometrica. 1980. № 4(48). P. 817-838. (In English).